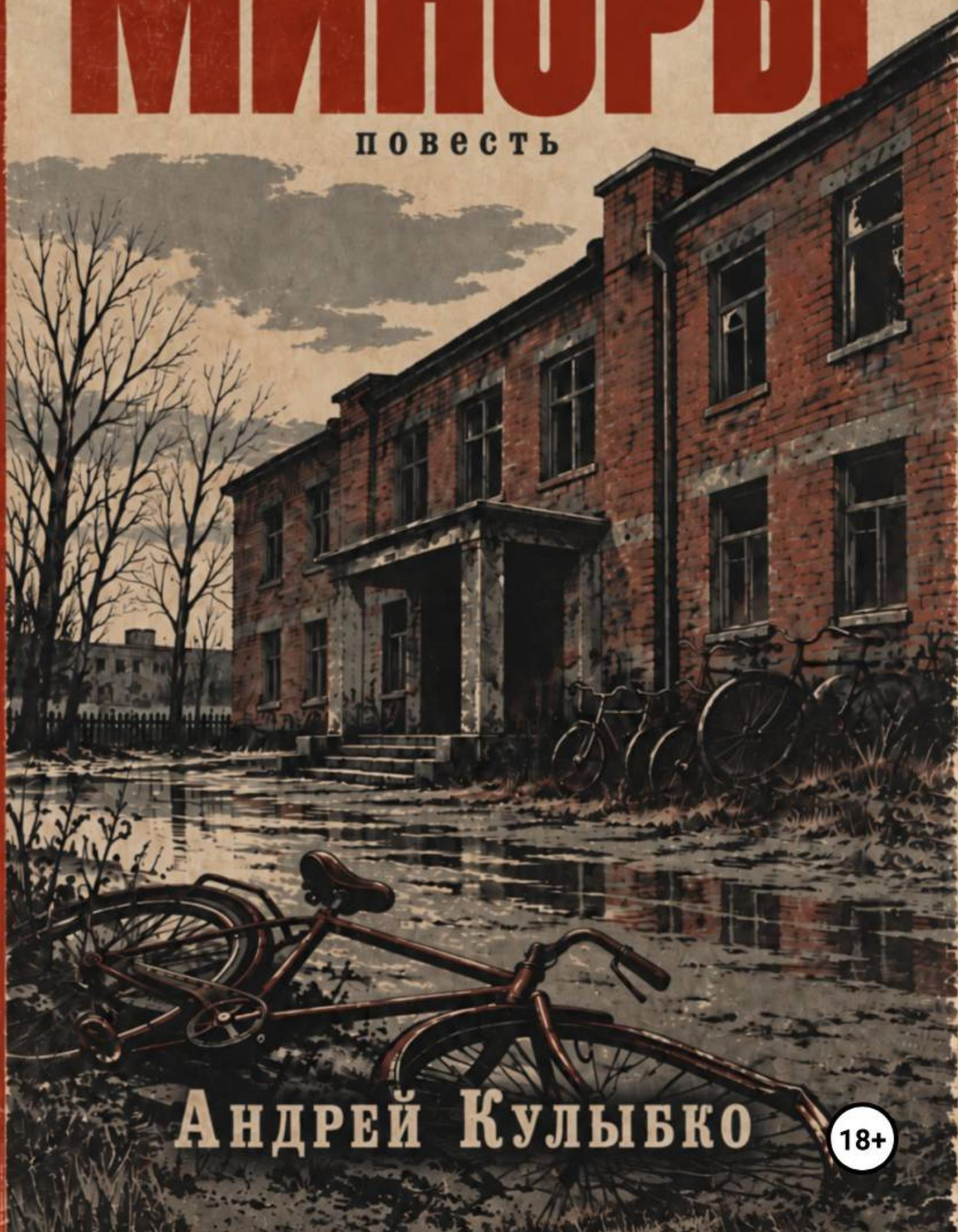

МИНОРЫ

ПОВЕСТЬ

АНДРЕЙ КУЛЫБКО

18+

Андрей Кулыбко

Миноры

«Автор»

2026

Кулы́бко А. А.

Миноры / А. А. Кулы́бко — «Автор», 2026

Конец девяностых. Данил, Артём, Сергей и Ваня — четверо друзей из обычного российского города. Их объединяют велосипеды, заброшенный детский дом за городом и простое правило: своих не бросают. Когда мать Данила тяжело заболевает, ребята пытаются честно заработать на дорогое лекарство. Но времени слишком мало, а рядом существует другой мир — деньги, клубы, дети городской элиты и уверенность в собственной безнаказанности. Один неверный шаг приводит к предательству, другой — к компромату на людей, привыкших решать чужие судьбы. То, что начинается как попытка спасти близкого человека, превращается в столкновение подростков с системой, где закон, деньги и власть принадлежат одним и тем же людям. «Миноры» — криминальная социально-психологическая повесть о дружбе, предательстве, цене выбора и о тех, кого взрослые слишком долго считали детьми.

© Кулы́бко А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. ИЗГНАНИЕ	5
Глава вторая. ЧЕТВЕРО	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Миноры

Глава первая. ИЗГНАНИЕ

Во дворе уже зажглись редкие фонари, хотя небо над пятиэтажными домами ещё сохраняло ту бледную и обманчивую ясность, которая бывает в конце сентября перед наступлением ранних холодов. Свет лежал на потрескавшемся асфальте неровными жёлтыми пятнами; за их пределами скамейки, сараи и железные перекладины детской площадки сливались в одну неподвижную массу. Четыре велосипеда стояли вдоль стены бывшей котельной. Три были поставлены передними колёсами к кирпичу, и лишь один, принадлежавший Ване, лежал на боку, словно хозяин бросил его в ту минуту, когда ещё не знал, что возвращаться к нему придётся уже одному.

Данил ударил Ваню без предупреждения. Удар был короткий и точен; Ваня отступил, зацепился пяткой за бордюр и едва удержался на ногах. Ни Артём, ни Сергей не двинулись с места. Артём, обыкновенно вмешивавшийся прежде, чем успевал понять причину ссоры, теперь лишь разжал пальцы и опустил руки вдоль тела. Сергей смотрел на Данила с мучительным вниманием человека, который не вполне понимает случившееся, но уже знает, на чьей стороне обязан остаться.

— В глаза смотри, — сказал Данил.

Ваня поднял голову. На его губе выступила кровь, но он улыбнулся — той торопливой, почти услужливой улыбкой, которой всегда встречал чужое раздражение, надеясь обратить его в шутку.

— Смотрю. Что дальше?

Второй удар пришёлся ему в скулу. На этот раз Ваня упал. Он опёрся ладонями об асфальт и задержался так, словно между мелкими камнями можно было отыскать нечто потерянное. Наконец поднялся. Улыбка исчезла.

— Хватит, — произнёс Сергей, однако столь тихо, что слова эти скорее выразили желание не участвовать в происходящем, нежели намерение остановить Данила.

Данил приблизился к Ване почти вплотную. Лицо его было бледно; на правой руке, которой он бил, содралась кожа на костяшке, но боли он, казалось, не замечал.

— Ты знал, что они сделают.

— Ничего я не знал.

— Знал.

Ваня оглянулся на друзей. Ему, вероятно, хотелось увидеть сомнение хотя бы в одном лице, но оба смотрели на него с тем молчаливым и тяжёлым вниманием, которое бывает страшнее брани. Сергей первым отвёл глаза. Артём продолжал стоять возле Данила; по тому, как он поставил ноги, можно было понять, что, если Ваня попытается ударить в ответ, до велосипеда ему не добраться.

— Вы все с ума сошли, — сказал Ваня. — Он вам сказал — вы и поверили. Как всегда. Данил схватил его за ворот куртки.

— Я тебя спрашивал. Два раза. Ты соврал два раза.

— А если бы сказал правду? — голос Вани сорвался, и это мгновенно усилило его ярость. — Ты бы меня по голове погладил? Спасибо сказал бы?

Он не успел договорить. Данил ударил его в живот, и Ваня согнулся, прижимая локти к бокам. Несколько секунд слышалось только его хриплое дыхание да сухое постукивание плохо закреплённого велосипедного крыла: ветер шевелил колесо, и оно возвращалось назад, всякий раз касаясь жестянки в одном и том же месте.

Артём сделал шаг вперёд.

— Данил.

В этом единственном слове не было ни просьбы, ни возражения. Артём лишь напоминал, что Ваня уже не сопротивляется. Данил услышал. Он отпустил ворот и отступил.

— Забирай велосипед, — сказал он. — И больше сюда не приходи.

Ваня выпрямился не сразу. На мгновение его лицо приняло выражение почти детского недоумения; быть может, только теперь он понял, что избиение было не наказанием, после которого разрешается остаться, а последним действием перед изгнанием. Вся жизнь их компании состояла из ссор, драк, обид и примирений. Они могли не разговаривать неделю, могли разбить друг другу носы, могли уехать на разные концы города и клясться, что больше никогда не сядут за один стол; однако вечером велосипеды всё равно оказывались во дворе, прислонённые к одной стене. Теперь это правило впервые было нарушено.

— Это и мой двор, — сказал Ваня.

— Двор твой. Нас здесь для тебя больше нет.

Ваня посмотрел на Данила с ненавистью, однако ненависть эта была ещё слишком свежа и потому не могла скрыть страха. Он перевёл взгляд на Артёма.

— И ты тоже?

Артём нахмурился, словно вопрос был поставлен неправильно.

— Ты врёшь, — ответил он. — Когда человек врёт своим, он уже не свой.

— Как складно заговорил. Сам придумал?

Артём шагнул к нему, но Данил удержал друга за плечо. Ваня усмехнулся; теперь эта усмешка была злой, и всё же в ней оставалась надежда на ответ, на новый удар, на любое продолжение, которое отменило бы окончательность сказанного. Никто ему не ответил.

Он подошёл к лежавшему велосипеду и поднял его. Цепь слетела, руль повернулся поперёк рамы, а на светлой обмотке остался грязный след от ботинка. Обычно кто-нибудь из ребят непременно присел бы рядом, перевернул велосипед колёсами вверх и помог поставить цепь. Ваня машинально ждал помощи. Лишь потом понял, что ждать нечего, испачкал пальцы в густой чёрной смазке и принялся возиться один.

Со второго этажа ближайшего дома донёсся женский голос: мать звала ребёнка ужинать. Хлопнула форточка. За стеной котельной прошёл поезд, и земля под ногами едва заметно дрогнула. Обыденность этих звуков казалась Ване оскорбительной; двор жил, будто не произошло ничего такого, что навсегда изменило его положение среди людей.

Цепь наконец легла на зубья. Ваня вытер пальцы о внутреннюю сторону куртки, сел на велосипед и оттолкнулся. Проезжая мимо Данила, он замедлил ход.

— Ты пожалеешь, — сказал он.

Данил смотрел на него спокойно.

— Может быть.

Этот ответ поразил Ваню сильнее насмешки. Он резко нажал на педаль, колесо сорвалось с места, и через несколько мгновений его фигура исчезла между домами. Остальные ещё долго слышали треск неисправной втулки: звук становился всё тише, но возвращался от стен, и потому невозможно было определить, далеко ли он уехал.

Когда треск окончательно смолк, Данил подошёл к велосипедам и пересчитал их. У стены стояло три.

* * *

Сергей проводил Ванин след не глазами, а всем своим тяжёлым, неподвижным лицом. Мысли его всегда шли медленно; зато, однажды дойдя до конца, уже не возвращались назад.

— Он совсем теперь не придёт? — спросил Сергей.

— Совсем, — ответил Данил.

— А если извинится?

Артём повернулся к нему.

— За такое не извиняются.

Сергей хотел спросить, за какое именно «такое», хотя слышал объяснение не раз. Он понял только одно: Ваня дважды солгал своим. Этого оказалось достаточно, чтобы он кивнул.

— Тогда совсем, — сказал он.

Артём поставил три велосипеда ровнее. Между вторым и третьим оставалось слишком много места. Он передвинул Сергеев ближе к Данилову, потом отошёл, посмотрел и передвинул ещё раз.

— Всё равно криво, — произнёс он.

Никто не спросил, о велосипедах ли он говорит.

* * *

Ваня между тем ехал, не разбирая дороги. Несколько раз он едва не столкнулся с прохожими; возле магазина задел педалью бордюр и услышал вслед брань. Остановиться он не мог. Ему чудилось: стоит замедлить ход — и треск втулки выдаст всем вокруг его новое положение; ещё час назад он принадлежал к четверым, теперь же был человеком, которого трое вычеркнули из общей памяти.

Он свернул к железнодорожной насыпи. Здесь фонарей не было, и только окна проходившей электрички на несколько секунд высветили его лицо. Ваня увидел собственное отражение в чёрном стекле: распухшую губу, грязь на щеке, слишком большие глаза. Вагоны исчезли, и отражение пропало прежде, чем он успел отвернуться.

Домой он приехал поздно. Велосипед пришлось оставить у подъезда: замок после падения заедал, а возиться на виду у соседей Ваня не хотел. В квартире работал телевизор. Отчим лежал на диване, младшая сестра сидела на ковре среди игрушек, мать гладила ей платье к завтрашнему утруннику. Никто не спросил, почему у Вани разбито лицо.

— Не стой в проходе, — сказал отчим, не отрываясь от экрана.

Ваня прошёл в кухню. На плите стояла кастрюля, однако внутри осталась только мутная вода и одна разваренная картофелина. Он вспомнил, как мать Данила всегда откладывала ему порцию заранее, даже если не знала, придёт ли он. Это воспоминание было столь некстати, что Ваня с силой захлопнул крышку.

— Потихе! — крикнула мать. — Ребёнка напугаешь.

Слово «ребёнок» относилось не к нему. Ваня посмотрел на своё отражение в тёмном кухонном окне и попробовал улыбнуться. Разбитая губа отозвалась болью.

В кармане лежала смятая бумажка с телефонным номером девушки. Она вручила её ему возле клуба и сказала, что он не похож на своих дворовых приятелей, что ему нужно лишь перестать бегать за Данилом и однажды подумать о себе. Тогда Ваня принял эти слова за любезность. Теперь они показались ему объяснением всего случившегося.

Он положил бумажку на стол, разгладил ногтем и долго смотрел на цифры. Позвонить означало признать, что обратно его действительно не примут. Не позвонить — остаться одному в квартире, где его возвращения даже не заметили.

Из комнаты донёсся смех сестры. Мать засмеялась вместе с ней. Ваня снял телефонную трубку, но номера не набрал. Он постоял так с минуту, прислушиваясь к ровному гудку, затем положил трубку и спрятал бумажку обратно.

Ваня лишь позволил себе подумать, что где-то существует другая компания, в которой его станут ждать, замечать и защищать.

Они считали Ваню наказанным, себя — обманутыми, а случившееся — законченным. Во дворе, где прежде рядом стояли четыре велосипеда, теперь оставалось три.

Глава вторая. ЧЕТВЕРО

За три недели до изгнания Вани четыре велосипеда ещё казались во дворе столь же неизменной принадлежностью жизни, как ржавая горка, бельевые верёвки и старый тополь, корни которого взломали асфальт возле второго подъезда. Ребята собирались после полудня, по одному выезжая из арок и переулков; первым обыкновенно появлялся Артём, за ним Сергей, последним — Ваня, неизменно объяснявший опоздание какой-нибудь историей, слишком складной, чтобы быть правдивой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.